

УДК 801.731+82.2+821.161.1+ 821.111
ББК 83+8533+83.3(2)+83.3(4)
DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-211-221

Вера Сердечная

**Ставрогин совращает Тэль:
«Книга Серафима» Александра Белоусова
в Электротеатре Станиславский**

Vera Serdechnia

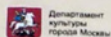
**Stavrogin Seduces Thel:
“The Book of Seraphim” by Alexander Belousov at
the Stanislavsky Electrotheatre**

Об авторе: Вера Владимировна Сердечная, кандидат филологических наук, научный редактор, издательский дом «Аналитика Родис» (Краснодар).
E-mail: rintra@yandex.ru

Для цитирования: Сердечная В.В. Ставрогин совращает Тэль: «Книга Серафима» Александра Белоусова в Электротеатре Станиславский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2(10). С. 211-221.
DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-211-221

About the author: Vera V. Serdechnia, Candidate of Philological Sciences, Academic Editor, Publishing House “Analitika Rodis” (Krasnodar).
E-mail: rintra@yandex.ru

For citation: Serdechnia V.V. Stavrogin Seduces Thel: “The Book of Seraphim” by Alexander Belousov at the Stanislavsky Electrotheatre. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2020. No. 2(10), pp. 211-221.
DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-211-221

ЭЛЕКТРОТЕАТР МАЛАЯ СЦЕНА

КНИГА СЕРАФИМА

По поэме Уильяма Блейка
«Книга Таль» и фрагменту
романа Фёдора Достоевского «Бесы»
Режиссер и композитор
Александр Белоусов

IV.

*The eternal gates terrific porter lifted the northern bar:
Thel enterd in & saw the secrets of the land unknown:
She saw the couches of the dead, & where the fibrous roots
Of every heart on earth inboxes deep its vestible trusts:
A land of sorrows & of tears where never smile was seen.*

*She wandered in the land of clouds thro' valleys dark, listning
Delours & lamentations: waiting oft beside a dewy grave
She stood in silence listning to the voices of the ground,
Till to her own grave plot, she came, & there she sat down.
And heard this voice of sorrow breathed from the hollow pit.*

*Why cannot the Ear be closed to its own destruction?
Or the lightning Eye to the poison of a smile?
Why are Eyelids stord with arrows ready drawn,
Where a thousand fighting men in ambush lie?
Or an Eye of gifts & graces, showing fruits & coined
gold?*

*Why a Tongue unpresid with honey from every wind?
Why an Ear, a whirlpool herve to draw creations in?
Why a Nostril wide inhaling terror trembling & affright
Why a tender curb upon the youthful burning boy?
Why a little curtain of flesh on the bed of our desire.*

*The Virgin started from her seat, & with a shriek
Red back unhinderd till she came into the vales of
Har*

18+

КНИГА СЕРАФИМА

**По поэме Уильяма Блейка «Книга Тэль»
и фрагменту романа Фёдора Достоевского «Бесы»**

Режиссер и композитор:

Александр Белоусов

Музыкальный руководитель:

Арина Зверева

Ассистент музыкального руководителя:

Дмитрий Матвиенко

Художник: Ася Мухина

Хореограф: Александра Конникова

Художник по свету: Алексей Наумов

Звукорежиссер: Михаил Иванов

Саунд-дизайнер: Олег Макаров

Live electronics: Леонид Именных

Консультант по электронике:

Константин Смирнов

В ролях:

Тэль Поющая – Ольга Россини, солистка ансамбля N'Gaged

Тэль Танцующая – Екатерина Андреева

Тихон – Дмитрий Матвиенко, солист ансамбля N'Gaged

Ставрогин – Сергей Малинин, солист ансамбля N'Gaged

Нарратор – Владимир Красов

Лилия – Светлана Мамрешева

Облако – Алёна Парфёнова

Дочери Серафима – Илона Буль,
Елена Быркина, Алина Горина, Алёна Кахута,
Татьяна Перевалова

В записи фонограммы оркестра участвовали: Светлана Безотосная, Михаил Звонников, Анна Звонникова, Филипп Крючков, Денис Кузнецов, Анастасия Кускашёва, Мария Лукьяшина
Дирижер: Дмитрий Матвиенко

Помощник режиссера: Евгения Фурман

Линейный продюсер: Варвара Пушкарская

В опере Александра Белоусова смонтированы два текста: поэма Уильяма Блейка «Книга Тэль» (1789) и глава «У Тихона» из романа Фёдора Достоевского «Бесы». Героиня Блейка в поиске причины своей тоски обращается к Лилии долин, потом к Облаку и Червь и наконец попадает в лоно Земли, где обнаруживает источник страдания человека. Герой Достоевского Николай Ставрогин приходит к архиерею Тихону и предоставляет письменное свидетельство своих грехов.

В обоих случаях речь идет о Желании. Если в поэме Блейка Желание только обнаруживается (за столетие до Фрейда) как сила, толкающая и влекущая человека по пути познания, то у Достоевского Ставрогин говорит: «Я всегда господин себе, когда захочу».

Название «Книга Серафима» отсылает нас к имени отсутствующего рассказчика – того фантастического ветхозаветного существа, чьими глазами зритель видит и слышит историю и чье изображение помещает Блейк на последней странице собственноручного издания своей поэмы.

В спектакле используется перевод Константина Бальмонта поэмы Уильяма Блейка «The Book of Thel» на русский язык («Книга Тэль», 1921) и перевод Вирджинии Вулф (и Сэмюэля Котелянского) фрагмента романа Достоевского «Бесы» на английский язык («Stavrogin's Confession», 1922).

Продолжительность спектакля 1 час 20 минут

Премьера состоялась 20 февраля 2020 года

В последнее время мне довелось увидеть немало интересных постановок по Достоевскому в разных концах страны. Например, «Братья Карамазовы» Максима Соколова в Архангельском молодежном театре – сложный микс из текста Достоевского, играемый в тесной комнате, со смелыми режиссерскими решениями и самоотверженной актерской работой. Или «Бесы» Григория Лифанова в Севастопольском театре драмы им. Луначарского – масштабное, наполненное молодой энергией артистов зрелище о конфликте традиционной русской культуры и современных разрушительных веяний. А также «Идиот» Андрея Прикотенко в новосибирском театре «Старый дом» – перенос действия в современность, с Мышкиным-хипстером и яркими сценическими метафорами.

Режиссер и композитор Александр Белоусов принимает неочевидное, на первый взгляд, решение по сочетанию двух текстов разных эпох и культур. В спектакле Электротeatра Станиславский он объединяет в мультижанровой природе оперы «Бесов» Достоевского (точнее, признание Ставрогина) и поэму английского романтика Уильяма Блейка «Книга Тэль» (*The Book of Thel*). Достоевский Блейка не читал, однако у них есть история сопоставления: так, Андре Жид говорил об их обращении к одним и тем же неразрешимым вопросам, а Чеслав Милош видел в них писателей, с особенной силой осознавших трагедию крушения христианской цивилизации.

Александр Белоусов, ученик знаменитого реформатора театра Анатолия Васильева и мастерской МИР Бориса Юхананова, до «Книги Серафима» поставил в Электротeatре Станиславский оперу «Маниозис 1+2», стал композитором ряда спектаклей и автором серии звуковых перформансов. Писать об опере для филолога очень непросто, однако опора на текстуальные составляющие и на знания о современном театре служат проводником в этом занятии – а театральный текст «Книги Серафима», конечно, вызывает к истолкованию.

В спектакле Электротeatра Станиславский тексты Достоевского и Блейка объединены как посвященные одной

теме: желания. Наивная дочь Серафима, Тэль, у Блейка стремится познать реальную жизнь, – чтобы в страхе бежать от ее угроз. Ставрогин у Достоевского, ведомый желанием, также выходит за границы представимого и морально состоятельного. Таким образом, ключевой точкой для сопоставления двух текстов становится тема желания, а ключевым событием – преодоление точки невозврата.

Спектакль начинается с диалога Ставрогина (Сергей Малинин) и Тихона (Дмитрий Матвиенко). Диалог этот происходит еще до входа в зал, на лестнице; «кающийся», по традиционной пространственной иерархии, находится снизу. Композитор разбивает текст Достоевского на такты, и этот речитатив ритмичен и красив, хотя и атонален, наполнен неожиданными паузами между тактами, порой посреди слова или фразы. Текст звучит по-русски; однако на экран выводятся титры на обоих языках. Вскоре включается и текст Блейка, вступление к поэме, который поется ангелическим сопрано Ольги Россини.

Текст небольшой поэмы Блейка взят полностью, а из Достоевского взят лишь фрагмент романа (глава «У Тихона»), причем выборочно: таким образом, режиссер сопоставляет конфликт «Книги Тэль» с тем конфликтом, который составляет тайную муку героя Достоевского. Преломляя поэму Блейка через роман Достоевского, Белоусов усложняет ее проблематику; вместе с тем диалогизм русского реалиста в полной мере свойствен и раннему английскому романтику, что можно увидеть из драматической природы «Книги Тэль».

Структура спектакля поначалу строится последовательно: фрагмент из Блейка, фрагмент из Достоевского; однако затем эта последовательность размывается. Спектакль становится все сложнее в игре двух языков и двух текстов, вплоть до того что звучит несколько звуковых потоков: одновременно Блейк и Достоевский в оригинале и переводе. Интересно отметить, что для перевода «Книги Тэль» Белоусов выбирает перевод Бальмонта – это верлибр, очевидно, более отвечающий структуре текста Достоевского. Отрывок «Бесов» дан в переводе Вирджинии Вулф

и Сэмюэля Котелянского. Можно отметить и то, что для режиссера важен диалог с переводным текстом серьезных писателей своего времени (Бальмонт и Вулф).

Из-за равновесного использования двух языков принципиальным аспектом спектакля становится письменный текст: он все время представлен на мониторе, будь то в зале или на лестнице, в прологе. В многоголосье текстов и языков, в синкретической природе сообщения (музыкального, визуального, пластического, текстового) театр такого типа отвечает современному состоянию познающего сознания, которое сталкивается и сживается с усложнением и убыстрением информационного потока. В многомерной структуре театрального текста есть место и многоуровневости (сцены), и игре с ритмами и словами, и крупным планам видео, на котором и блейковская Тэль может, забывшись, кривляться, словно перед вебкамерой.

Режиссер Белоусов и художник Ася Мухина осмысливают мир Блейка-Достоевского как мир детей, своего рода песочницу цивилизации, которая только начинает свой инициатический путь. На сцене Тэль, ищущая опыта, выделяется из группы Дочерей Серафима – девочек-подростков в белых матросках и с букварями советского периода. Славное, сладкое ностальгическое прошлое без точных хронологических примет. Тэль здесь «раздваивается» на Тэль поющую (Ольга Россини) и Тэль Танцующую (Екатерина Андреева): одна поет текст, другая проживает-протанцовывает перипетии сюжета.

Именно Тэль станет в рамках этой постановки Матрешей, жертвой Ставрогина.

Сценография спектакля – это детская игровая площадка; за оградкой расположены лестница с турником, качели, даже расстелен в углу ковер, на который рассаживаются «девочки» с букварями. Вот только покрытие на этой площадке – металлическое, и по нему отбивается жесткий и четкий ритм; Дочери Серафима отбивают его то лопатками для песочницы, а то и электрическими зубными щетками.

Поиск Тэль у Блейка – это поиск опыта: она спрашивает о мире у Лилии, Облака, Червя и Земли. Одним из

традиционных толкований поэмы является мысль о том, что Тэль (как и другие дочери Серафима) – нерожденная душа, которая заглядывает в мир порождения. В то время как традиционной основой сюжетной структуры становится событие, пересечение определенной границы заранее известных действий, в «Книге Тэль» эта закономерность нарушается: испуганная противоречиями материально-телесного мира, юная Тэль бежит в свои идиллические долины обратно, не отваживаясь на пересечение границ обыденного.

Однако Тэль, внезапно, не чужда Ставрогину в смысле наличия желания, осознанного стремления проверить возможность нарушения границ. Это стремление выдает в обоих этих персонажах потенциал героя – то есть того, кто нарушает запрет, выходит за пределы, а затем и (потенциально) служит к исправлению мира.

Спектакль подвергает вопросам и текст романтика, и текст реалиста. В роли благополучного вещателя истин здесь выступает поначалу Нарратор (Владимир Красов). Однако его дивно красивые, мелодичные реплики по английскому тексту Блейка к середине замолкают; он в какой-то момент обращается чиновником, над которым смеется Ставрогин, а потом и вовсе замолкает, тяжело осев на металлический пол площадки.

В спектакле «сюжетный» Ставрогин, как и Дочери Серафима, появляется как мальчишка-переросток, в синем бархатном костюмчике и бескозырке: то ли юная, то ли молодящаяся культура, беззаботно пытающаяся проверить, работает ли моральный запрет. Их танец с Тэль, параллельный тексту о Матреше, – не столько насилие, сколько соблазн; в контексте визуального решения это взаимное обольщение двух подростков, грешное лишь настолько, насколько грешно желание само по себе.

После танца-соблазна Тэль ложится на ковер, подняв ноги на стену, и долго лежит так. Она меняется: тяжелеет походка в черных туфлях, слетает с головы бант. Диалог с Землей Тэль Танцующая проводит сидя в цинковой ванне, засыпанная по пояс почвой. И когда она встает, зритель видит, что она беременна.

Режиссер идет в какой-то мере и против Блейка, и против Достоевского, переосмысливая оба произведения. Тэль здесь не остается в невинности, а невинная жертва Ставрогина уже не является жертвой в прямом смысле слова. В самом начале спектакля почти на головы зрителей падает из лестничного просвета белое платье – в позе повешенного, но без повешенного. И Тэль, соблазненная (или соблазнившая), несет плод: любовь на детской площадке оказалась не бесплодной. И как бы не вытягивала Тэль матрешинский кулачок вперед, как бы мрачно не звучал ритм, отстукиваемый по железному полу сценической площадки, – режиссер предлагает новое осмысление судьбы цивилизации, где невинность не боится опыта, и где страсть уже не наказуема, кажется, вечными муками совести.

Лейтмотивом спектакля становится потрясающая блейковскую Тэль мысль о том, что каждый живет не ради себя, что мир исполнен самопожертвования. Эта идея глубоко созвучна и творчеству Достоевского.

С. Малинин (Ставрогин) и Е. Андреева (Тэль Танцующая).
Фото О. Орловой.

О. Россини (Тэль Поющая) и Е. Андреева (Тэль Танцующая).
Фото О. Орловой.

С. Малинин (Ставрогин) и Дочери Серафима.
Фото О. Орловой.